

В молодые годы Яков Маркович был известным скрипачом. Никто толком не знал, что заставило его достаточно рано и внезапно оборвать сольную карьеру. Поговаривали даже, что причиной послужило его пристрастие к очень сложной, непонятной широким массам музыке. Дескать, не желал угождать общественному вкусу, предпочел распрощаться со сценой. На самом деле причина была куда более банальная – здоровье. Работа скрипача тяжелая: все время на ногах, да и руки не должны быть знакомы ни с артритом, ни с артрозом. Хилый и совершенно неспортивный Яков Маркович давным-давно переквалифицировался в учителя музыки и в этом качестве был известен всему городу. Он был престижным и дорогим педагогом, многочисленные его ученики поступали в консерваторию и побеждали на конкурсах.

Тринадцатилетний вундеркинд Даня второй час мучил скрипку сложным этюдом. Яков Маркович полулежал в кресле, глядя на его лицо, можно было подумать, что Даня водит смычком по открытой ране бывшего виртуоза. Внезапно с улицы, наверное, из соседнего окна в комнату ворвалась совсем другая скрипичная мелодия – «Чардаш» Монти, его визгливая быстрая часть.

– Господи ты боже мой, – презрительно прошипел тринадцатилетний сноб и отложил инструмент. На его длинной шее стала хорошо заметна скрипичная мозоль. Даня с яростью захлопнул окно. А Яков Маркович, напротив, промычал мелодию «Чардаша» без всякого раздражения.

– Неужели вам нравятся подобные произведения? – удивленно спросил Даня. Ведь именно Яков Маркович уже лет восемь внушал ему любовь не просто к классической музыке, а только к очень серьезной классической музыке.

– С музыкой не все однозначно, – уклончиво ответил учитель, часто моргая повлажневшими глазами, – как и в жизни.

И несколько раз, собственным эхом, он повторил «как и в жизни», словно погружая себя этим бормотаньем в тихий транс.

Его кожистые веки постепенно успокоились и сомкнулись, обтянув выпуклые глаза. Даню в который раз позабавило сходство учителя с гигантской ящерицей. Яков Маркович вовсе не дремал, наоборот, он впитывал музыку всей кожей. Его сложенные в замок пальцы, чуткие, как лепестки актинии, чуть заметно шевелились в потоке звуков. При любой мельчайшей Даниной ошибке они болезненно корчились, в самых непоправимых случаях грозили, требовали начать заново. Даня любил такие уроки. Ему нравилось это возвышенное общение через эфир, ему льстила таинственная связь его смычка с пальцами мэтра. На вопросы родителей, хвалил ли его учитель, он мог лишь свысока улыбаться. Что сказал? Да ровным счетом ничего. Он только делал рукой вот так, ну, иногда так. Что это значит? Слишком долго объяснять.

Тем временем, Яков Маркович думал о «Чардаше» Монти. Сначала он было собрался рассказать Дане всю историю. Учитель нередко приоткрывал ученикам свои личные, тайные отношения с музыкой. В этой неожиданной откровенности была, наверное, часть его преподавательского успеха. Но сейчас Яков Маркович решил промолчать. Как все вундеркинды, Даня был умен, но абсолютно бесчеловечен. Огромное количество разнообразных сведений заполняло кудрявую Данину голову, не давая шевельнуться той извилине, которая отвечала за сочувствие к себе подобным. Яков Маркович хорошо это знал. Он сам непростительно долго оставался таким.

Родители Якова Марковича были совсем простыми людьми. Он так и представил, как лет пятьдесят тому назад высоколобые почитатели его таланта говорили друг другу шепотом: «Удивительно, но его родители совсем простые люди!» Его отец, Марк Яковлевич, был закройщиком. При посторонних Марк Яковлевич был крайне молчалив. Иногда даже делал вид, что не слышит обращенных к нему вопросов, это выглядело невежливо. Дело было в сильнейшем еврейском акценте, мгновенно всем напоминавшем анекдоты. Марк Яковлевич стеснялся, он не любил выглядеть смешным. Мать, Фрида Моисеевна, напротив, акцента не имела и была не в меру разговорчивой. На его концертах она сидела в первых рядах и громко, быть может, даже специально кричала: «Яша! Яшенька!» Ловя недоуменные взгляды, она объясняла радостной скороговоркой: «Яшенька мой родной, единственный сын. Он родился таким болезненным. Врачи даже сказали, что не доживет до пяти лет. Хороши врачи, да? Но мы с отцом его вырастили, выучили. Он даже чего-то добился, да? Вся публика пришла послушать, как он играет, да?»

Действительно, Яша был поздним и выстрадавшим ребенком. Когда выяснилось, что у него абсолютный слух, родители подчинили каждую секунду своей жизни его обучению. Покинули уютный южный городок, где остались солнце, тепло, молодость, немногие друзья и родственники. Их новое место обитания, город огромный и холодный, никогда не казался им красивым. Наверное, потому, что ни разу в жизни у них не было времени просто пройтись по его набережным. Они работали, или везли Яшеньку на прослушивание к очередному профессору, или доставали Яшеньке говяжьё вырезку в Елисейском, по благу... Грустно... Ведь если красоты этого города не понимаешь, что еще может тебя примирить с ним?

Марк Яковлевич трудился в ателье, но основные деньги зарабатывал дома, выполняя частные заказы. Работал до глубокой ночи. Порой Яша думал, что именно этот непрерывный, трехгранный звук отцовского ремесла и развил до такой сверхъестественной чуткости его слух. Он засыпал и просыпался под нехитрое трезвучие: повизгивание стальных пластинок ножниц, что трутся одна об другую, треск распарываемой ткани, постукивание ножниц о стол. По звуку он различал, делает ли отцовская рука крутой поворот, выкраивая рукав, или смело летит вперед, вычерчивая будущие широкие штанины. Заканчивая деталь, Марк Яковлевич удовлетворенно мычал: «Угу», и лишь по одному этому мурлыканью можно было угадать его чудовищный акцент.

Яша совершенно точно знал, наверное, слышал в утробе, – за свою частную практику его отец когда-то имел большие неприятности. Кажется, даже сидел в тюрьме. Это было недолго, но очень страшно. С тех пор в придачу к тяжелой работе примешивался удушливый страх. Не стукнут ли клиенты? Не заподозрят ли соседи? Неудивительно, что Марк Яковлевич недолюбливал советскую власть, которая превращала его честную и очень качественную работу в преступление.

Фрида Моисеевна работала в поликлинике в регистратуре. Она отвечала за здоровье семьи. Она же устраивала нужных людей к хорошим врачам, за что нужные люди устраивали Яшу: в хорошую школу, санаторий, на престижные концерты заезжих знаменитостей. В свободное от этих непростых переговоров время Фрида непрерывно стирала, гладила, убирала и, конечно, готовила. Семья совсем не была религиозной, но ели только кошерное. То, что оно кошерное, Яша понял гораздо позже сам, когда стал очень много читать. Книгами его снабжали учителя, а впоследствии – друзья из местных, ленинградских семей. Родители книг не читали. В театры и музеи не ходили. На это все не было денег и времени. Очень рано Яша осознал, что его родители совсем не интеллигентные люди. Что в культурном отношении между ними лежит пропасть.

Помнится, как-то раз совсем еще юный Яков решил включить в свой репертуар композитора Шнитке. На пороге тревожной тенью возникла Фрида. Она тоже имела абсолютный слух, хотя последние года два уже не вмешивалась в занятия сына, доверяя ему и его учителям. Но тут она сообщила с тревогой:

- Сыночка, ты фальшивишь!
- Это современная музыка, мама, – презрительно ответил Яша.
- Ты мне будешь объяснять, – огрызнулась Фрида, – я понимаю, современная, но ни один композитор в мире не мог написать то, что ты играешь.

Фрида обиженно хлопнула дверь. Высокомерная улыбка сына очень ее задела. А Яша окончательно осознал, что родители не только отстают от него в образованности, но и просто не в состоянии понять ту сложную музыку, которая начинала ему нравиться. Хотя в определенном смысле мама была права. Помнится, именно тогда Яков Маркович начал тщательно работать над своим особенным звуком. Родители были огорчены, но ходили на цыпочках. Им казалось, что Яша, который отошел от популярных скрипичных пьес, стал играть гораздо хуже. Учителя и первые поклонники изо всех сил объясняли им, что их сын гениален.

Так когда же возник «Чардаш» Монти? С какого, с позволения сказать, перепугу молодой, но уже по-стариковски рафинированный Яша

шумно исполнил его в доме? Ах, да, ведь он в тот день обиделся. На девушку, на друга, на целую группу людей, в которых разочаровался. Яков Маркович вздрогнул, погрозил Дане пальцем и еще глубже провалился в воспоминания.

В тот год он поступил в консерваторию и подружился там с Артуром. Артур играл на трубе и саксофоне. Фрида Моисеевна с самого начала не одобрила этой дружбы. Дружить можно со скрипачами, альтистами, виолончелистами... Контрабасисты допустимы, но даже они чужеродны и легкомысленны. Что за профессия такая, два раза за концерт провести смычком по струнам. А уж духовые – нет, совсем чуждые нам люди.

Опасения матери были не напрасны: по ночам Артур играл в каком-то подпольном джаз-банде. Артур познакомил Яшу с развеселой компанией своих друзей. Костяк составляли джазисты, коллеги Артура, попадались также художники, фотографы, ну и, конечно, поэты. Их прелестные подруги почти все поголовно учились на филологическом факультете университета. Запомнилась девушка по прозвищу Пифия. Самовлюбленные юнцы считали ее сумасбродкой, беспомощной и глуповатой. Теперь-то Яков Маркович понимал, что Пифия была весьма непроста. Она организовала их бесшабашное сообщество так, что успех и степень уважения зависели от близости к ней, к Пифии. С небольшими вариациями они играли в одну и ту же игру: молодые люди были оракулами, им надо было Пифию одурманить, а потом под общий хохот расшифровывать ее пророчества. Одурманивать можно было вином, сигаретами, реже стихами или музыкой. Изощренно и очень смешно ее одурманивали советскими газетами, утонченно и смело – собственными рисунками и фотографиями. Если честно, без всякого одурманивания Пифия была способна нести отборную и смешную чушь сутки напролет, сонная или голодная, абсолютно трезвая или изрядно выпившая, она без устали выдавала словесные перлы на тему и без темы, на которые все остальные нанизывали кружева дальнейшего остроумия, как правило, с политическим, диссидентским подтекстом.

Яша и сам был одурманен этим непрерывным весельем и бездельем. Помнится, тогда он почти забросил занятия, позже наверстал, но ту нечеловеческую работоспособность, которая была у него до встречи с Артуром, не обрел заново никогда. Лишь одно обстоятельство огорчало Яшу в те времена – в новой компании над ним посмеивались, его статус был ниже некуда, на грани вылета.

Во-первых, у него не было джинсов. Несмотря на всю свою возвышенность и интеллектуальность, оракулы обязаны были носить джинсы, если не заграничные, то хотя бы паленые. А Яша щеголял в прекрасных, тщательно отпаренных шерстяных костюмах, которые шил отец. Заикнуться родителям о необходимости достать где-нибудь джинсы было немыслимо. Это все равно что отказаться от маминой стряпни в пользу котлет из кулинарии. Друзья даже предлагали ему помощь в обретении статусных штанов, но Марк и Фрида и слышать не хотели о подобном уродстве.

Во-вторых, Яша при каждой возможности обязан был звонить маме и сообщать, что с ним все в порядке. Если в очередной квартире, где оседала честная компания, не оказывалось телефона, Яша должен был выходить на улицу и мучительно искать телефонную будку. Он пробовал бунтовать, почти плача, рассказывал маме, что никто из его друзей

не имеет подобной телефонной повинности, поэтому со своими вечными звонками он выглядит полным идиотом. «Родителям наплевать, где их дети? – изумлялась Фрида. – Сыночка, значит, ты связался с шантрапой! Марк, Марик, ты только послушай, он связался с беспризорниками! Ну, ничего, наш Яша не дурак, это скоро пройдет». Самое ужасное, пожалуй, состояло в единственном материнском вопросе, который она задавала дозвонившемуся сыну: «А что ты сегодня кушал?» Что он мог ответить? Правду? Ха-ха! Плавленный сырок и водку? Красное вино и кильку в томате? Печенье с марихуаной, которое чудом привез из Голландии чей-то родственник-дипломат? Нет уж, если сказать правду, как иногда предлагал ему Артур, мать немедленно хватит инфаркт. Поэтому Яша импровизировал: пельмени, макароны по-флотски, сосиски... «Почему именно это?» – спрашивали его друзья, которые часто толпились вокруг, как на цирковом представлении. «Ну, если я скажу, что бульон с клецками и мясо с черносливом, она может не поверить...» Взрыв хохота, перешептывания за спиной, украдкой, покручивание пальцем у виска...

Яков Маркович крепко зажмурился и провел рукой по глазам. Даня удивился – неужели его исполнение вызывает такую реакцию? А старый учитель просто подумал, что уже лет сорок никто в целом мире не занимается вопросом: «Что Яшенька сегодня кушал?» Существовало и до сих пор существует несколько особ женского пола, которых волнует: «Что Яшенька сегодня заработал?»

Итак, для Артура и его друзей он – одиозный мамочкин сыночек, существо из еврейского анекдота, над которым можно посмеяться, когда обсмеяны все более интересные поводы. А что в активе? Те, кто близок к музыкантам, понимали, что он талантлив. Очень вероятно, что его пошлют на международный конкурс, он кандидат на выезд за рубеж. Семья? Ну, с мамой все понятно. Папу, честно говоря, он немного романтизировал. Сказал, что папа сидел за политику. Это было почти правдой и повысило его, так сказать, рейтинг.

Один раз рядом с ним за столом оказалась сама Пифия, привалилась под бок и, невзначай касаясь роскошным, горячим, как уют, бюстом, стала расспрашивать о национальности родителей. «Если вы все евреи, то почему до сих пор не уехали за границу?» – удивилась девушка. Уехать-то можно, но там все работают таксистами. Врачи, музыканты, математики – все таксистами. Так говорит Фрида, она точно знает от многих знакомых. Пифия смеялась и спорила, отвлекалась на посторонние пророчества, отворачивалась, но под столом ее голое, круглое колено почти не отлеплялось от Яшиной штанины.

В тот весенний вечер, уже подсвеченный волшебной голубизной будущей белой ночи, вся компания отправилась за город, на берег Невы. Яша впервые оказался в сказочных местах, где Нева расстается со своим гранитным служебным мундиром и предстает обычной рабочей, но очень широкой рекой, с кострами на лесистых берегах и рыбаками в лодках. После песен под гитару и очередной бутылки по кругу Пифия молча скинула платье и, оставшись в черном, явно заграничном белье, медленно, замороженно ступая, зашла в воду. Темные волны облизывали ее ноги, белые и нежные, как капельки молока. Все остальные, как стадо обезумевших леммингов, шумно двинулись за ней. В общем порыве Яша тоже разделся, благо на нем были вполне приличные синие плавки. Вода была ледяной, плотной и подвижной, пахла мазутом и рыбой. Дно, покрытое склизкими крупными камнями, под крутым углом

уходило вниз. Внезапная волна от катера и неожиданно сильное течение чуть не сбили его с ног. Яша ощутил острый, животный страх за свою жизнь, ведь он не умел плавать. Переполненный впечатлениями, с горячей кожей, он вышел на берег. Довольно быстро подтянулись и остальные. Лишь несколько пловцов-энтузиастов пытались поразить зрителей мощными саженками и мускулатурой. Несмотря на это и на обратном пути, в вонючем старом автобусе, а потом в пустой, тускло освещенной электричке, Пифия сидела рядом с Яшей и обсуждала тонкости еврейской эмиграции из Советского Союза. Остальные оракулы смотрели на него с уже нескрываемой завистью. Яша блаженно улыбался. Когда Артур вышел в тамбур покурить, Яша прокрался за ним, неся в руках маленький сверток. Это оказались его мокрые плавки, завернутые в газету. Он просил их высушить и, при случае, вернуть. Причина? Если мама найдет мокрые плавки, ей придется сказать, что он купался. Если она узнает, что он купался, у нее будет инфаркт.

Следующая вечеринка с оракулами оказалась последней. Прислушавшись к истерическому хихиканью, Яша понял, что Артур сделал историю с плавками всеобщим достоянием. Перед тем как стыдливо отвести глаза, друг с сожалением посмотрел на Яшу. Выразительная физиономия Артура словно бы говорила: «Дружище, ты с пяти лет учил этюды и поэтому не понял, что мир жесток и коварен. Срочно наверстывай упущенное!» Не привлекая дополнительного внимания, Яша тихо выбрался из квартиры.

Впрочем, и предательство Артура, и белые ноги Пифии – почти ничто по сравнению с тем, что случилось дальше. Злой и опустошенный, Яша явился домой рано. Она размышлял о ничтожности, об омерзительности предавшей его компании. Подумать только, они все время твердят о свободе мысли, а сами судят о человеке по джинсам и прочим заграничным тряпкам. Они считают себя недооцененными талантами, а сами никогда и не пытались что-либо делать. Нет уж, нет уж, Яша умный, он никогда больше не повторит прежних ошибок и подобную публику будет обходить за версту. В ярости Яша схватил скрипку и по памяти, добавляя что-то от себя, заиграл «Чардаш» Монти. Именно эта мелодия, яркая, но неглубокая, с кабацким надрывом и развязностью, больше всего напоминает Пифию и ее прихвостней.

Станный шум и сопенье сзади заставили его обернуться. На пороге комнаты, обнявшись, стояли его родители и смотрели на него как на икону.

– Мама, папа, вы чего? – в недоумении спросил Яша.

– Мы только что поняли, что наш сын гениальный скрипач, – торжественно прошептал отец.

– Наша жизнь прошла не зря, – добавила Фрида, крепче обнимая мужа, – теперь мы с легкой душой можем отправиться на тот свет.

Прожив почти полвека вместе, родители стали похожи друг на друга. Марк Яковлевич, судя по фотографиям, в молодости был высоким и широкоплечим, но от тяжелой работы ссутулился и уменьшился на голову. Фрида Моисеевна была миниатюрной и стройной, как рюмочка, но сейчас ее талия округлилась. И теперь они стояли рядом, как два пухлых шарика, и моргали выпуклыми, покрасневшими глазами и хлюпали одинаковыми крючковатыми носиками, так что Яша вспомнил детское стихотворение: «Взгляни на маленьких совят, малютки рядышком сидят...» Он обнял этих двух самоотверженных птичек, что без усталости всю жизнь таскали для него пропитание, и сам неожиданно

заплакал. В тот момент Яшу захлестнула такая нежность, такая благодарность, что он почувствовал, как их слегка истеричная семейная любовь сплелась в огромный энергетический комок и присоединилась к музыке вечных сфер.

– Сыночка, а ты почему плачешь?

– Потому, что «Чардаш» Монти... «Чардаш» Монти... Это музыка, это вовсе не музыка... Это примитив... Вы не понимаете, ничего не понимаете...

Они и в самом деле не понимали, не желали слушать его слова, все твердили, что он гений. И отчаявшись что-либо объяснить, он сыграл еще много разных чардашей, и мелодий из популярных оперетт, и арий из опер, переложенных для скрипки. И в будущем, после любых его сложнейших, заумных, звездных концертов, они на полном серьезе уверяли друзей и его самого, что никогда он не исполнял ничего более прекрасного, чем в тот день дома.

Даня наконец выдохся и отложил скрипку. Яков Маркович похвалил его, проанализировал ошибки. Наметил работу на будущее. А потом, смущенно улыбаясь, неожиданно протянул руки к инструменту, вскинул руки, слегка морщась от артритной боли, и заиграл... «Чардаш» Монти.